

ЕВРОПА ИЗМЫШЛЯЕТ ЦЫГАН. ИСТОРИЯ ОЧАРОВАНИЯ И ПРЕЗРЕНИЯ

Образец перевода © Наталия Бакши 2014

ПРОЛОГ

Идея написать историю неприятия цыганских народов в Европе возникла более или менее случайно¹. Она зародилась в беспокойное время после падения социалистической системы и открытия железного занавеса в начале девяностых годов. Темой своего и чужого в литературе я занимался уже давно, и в период, когда резкий рост агрессии по отношению к «другим» по всей Германии снова стал вызывать опасения, что прошлое, казавшееся преодоленным, может вернуться, мне пришлось выступать на одной конференции, где я попытался дать этому обстоятельству некоторые объяснения, которые получили тогда значительный резонанс в гуманитарных науках.

Анализируя погромы в Ростоке-Лихтенхагене, столь масштабные и жестокие, что они заставили председателя центрального еврейского совета Игнаца Бубиса не без оснований вспомнить о бесчинствах 9 ноября 1938 года, я наткнулся на высказывание одной шестнадцатилетней школьницы, которая принимала в этих погромах активное участие и потому – чуть ли не в награду – у нее взяли интервью. «Если бы сожгли цыган, мне это было бы безразлично. Будь это вьетнамцы – тогда нет, а синти и рома все равно» Я никак не мог забыть это безграничное презрение и бесчувственность, которые просвечивали сквозь холодное «все равно». Преступница оправдывает свою готовность убивать, устанавливая иерархию жертв. Иностранцев, независимо от происхождения, она ставит ниже себя. Цыгане же для нее и вообще «подонки», как будто бы не люди.

Всматриваясь в историю цыган и их шестисотлетнее присутствие в Европе, приходишь к выводу, что их преследование и уничтожение также мало беспокоило большую часть людей, как и ростокских подростков, поджигавших общежития для беженцев. Откуда же это инстинктивное презрение к совершенно незнакомым людям, каковы его источники? Разве не в то же самое время фламенко завоевывало танц-студии и кружки в народных университетах, а артисты типа Джипси Кингс пользовались популярностью во всем мире? Не их ли зажигательные песни, незаметно для самих участников, взвинчивали и разжигали их страсти на гриль-вечеринках, устраивавшихся на окраинах Лихтенхагена? Быстрого и простого объяснения такому сосуществованию очарования и презрения мне найти не удалось, ни с помощью социологических и психологических теорий, ни с помощью близкой на первый взгляд аналогии с антисемитизмом. Объяснить его –

---

¹ В немецком языке само понятие «цыгане» имеет, в отличие от русского, уничижительное значение. В научной литературе европейских цыган принято относить к группе «ром», «ромá» (прим.пер.)

перед лицом событий в Румынии, Италии, Франции, Венгрии, Словакии и Косово – едва ли возможно, если не обратиться к исследованию истории взаимоотношений цыган с другими народами Европы со времен их переселения в 14-15 вв., если не предпринять попытку пролить свет на эту темную страницу развития Европы вплоть до эпохи модерна. Вскоре выяснилось, насколько отрывочными, приблизительными и предвзятыми были на тот момент те немногие сведения, которыми мы располагали о прошлом цыган. Волей неволей пришлось рыться в архивах и библиотеках, чтобы, совершив долгое путешествие во времени, снова оказаться в селах, деревнях и таборах сегодняшних цыган. В то же время, мне постепенно становилось ясно, что с падением коммунистических систем в Восточной и Южной Европе эта тема из периферийной превращается – по мере политического, социального и культурного развития нашего континента – в центральную, хотя бы по той простой причине, что речь идет более чем о десяти миллионах человек. Возникло убеждение в том, что жизнеспособность Европы, этой ментальной конструкции, будет не в последнюю очередь измеряться отношением к цыганским народам.

Почему же цыгане, где бы они ни появились, воспринимались как опасность, почти на рефлекторном уровне? Как выглядят признаки опасности, которые им приписывались и до сих пор приписываются - их телам, их присутствию, всей их сущности. И как случилось, что соседство с ними многим представляется непереносимым, а сосуществование невыносимым? Для того, чтобы найти этому убедительное объяснение, следует обратиться к средневековым нашествиям монголов и турок, которые, как и цыгане, продвигались по считавшемуся открытым и слабым восточному флангу Европы. На эту связь указывают ранние наименования неизвестных чужаков – их называли «бандитами» и «египтянами». Кочевой образ жизни укреплял представление о степном народе или народе, вышедшем из пустыни. Хотя малые или большие кланы переселившихся цыган не считались захватчиками как таковыми, их все же нередко расценивали как слабый головной отряд захватчиков, либо оставленных ими шпионов. Миролюбивым, но чуждым переселенцам стали с самого начала стали приписывать нечто угрожающее. Но ненависть к цыганам – не просто аналогия антисемитизма, как это неоднократно утверждалось.

Если внимательно изучить развитие отношений цыган с местным населением, для такой точки зрения, возникшей после 1945 года в связи с расистской политикой нацистской Германии, коснувшейся в равной степени евреев и «цыган», едва ли найдутся основания. В этой книге цыгане будут рассмотрены не в контексте истории антисемитизма и преследования евреев, в который они по понятным политическим причинам были вписаны самими синти и рома. Мы попытаемся показать, что корни и причины, развитие и цели как презрительного отношения к цыганам, так и зачарованности определенными элементами их стиля жизни принципиально иные, чем в случае антисемитизма, несмотря на исторические параллели и пересечения и

на то, что современный социально-биологический расизм испытывает к обеим группам одинаковую ненависть.

Наметим лишь некоторые различия. В то время как цыгане считались таинственными чужаками неизвестного происхождения, евреи и иудейство стояли у истоков европейской цивилизации и были неразрывно связаны с другим ее истоком – христианством. Поэтому время и обстоятельства переселения цыган в Европу имеют решающее значение для дальнейшего развития. Еще одно важное различие обусловлено характером еврейского самоопределения: евреи активно и разнообразно транслировали образ своей культуры во внешний мир, тогда как о культуре цыган едва ли было что-то известно. Они приковывали к себе внимание потому, что их образ жизни, их бесписьменный, базирующийся на устной традиции общественный порядок сравнивали с образом жизни «дикарей» за границами Европы, который уже с начала XVII века идеализировался в качестве фольклора. Кроме того, цыгане не имели собственности и, в отличие от евреев, представление о которых было связано с городами, торговлей, наукой и культурой, воспринимались как дети лесов, полей и степей, как народ скитальцев.

Желание показать особенность и неповторимость истории преследования цыган, как и зачарованности их образом жизни, неизбежно приводит нас к ранним историческим источникам и требует расширить поле исследования, охватив все европейское пространство. Национальная перспектива привела бы к сужению картины. Тем более это относится к перспективе немецкой, хотя национал-социалистическая политика уничтожения цыган и представляет собой самую мрачную главу их истории, и обзор будет начат именно с нее.

Когда исследование было закончено, у меня на столе оказался фолиант, который можно было бы разделить на несколько томов. Я сократил и уплотнил его до одного тома, не теряя из виду европейскую перспективу, однако отказался от представления в деталях каждой национальной истории. Некоторые страны, например, Испания XVI века или Венгрия XIX века, рассматриваются более подробно, поскольку там происходили важные события или возникали литературные произведения, повлиявшие на другие европейские страны. Таким образом, я старался представить общую картину, не теряя при этом ни одной из многочисленных, переплетающихся друг с другом нитей. Довольно громоздкий научный аппарат мне пришлось сократить до необходимого минимума, но надеюсь, что полнота полученных результатов от этого не пострадала. Теоретическая концепция, лежащая в основе работы и столь важная для меня в тот момент, когда я к ней приступал, не получает в дальнейшем эксплицитной разработки, но мне верится, что ее влияние постоянно чувствуется при изложении конкретного исторического материала. Таким образом, я надеюсь, что книга не разочарует специалистов и в то же время будет интересна более широкому кругу читателей, на чье внимание и любопытство рассчитывал автор.

Существует не так уж много феноменов, которые можно было бы назвать общеевропейскими и наблюдать на протяжении нескольких веков. С их помощью можно определить закономерности эпохальных изменений различных обществ, которые неудачно называются «западно-европейскими». Ряд научных проектов, закончившихся в последние десятилетия, был посвящен, если следовать за их логикой, явлениям широкого масштаба: *процессу цивилизации* (Норберт Элиас), созданию государств и национальностей, революциям и переломным эпохам (Рейнгарт Козелек), всеохватным духовным процессам, как, например, *процесс теоретического любопытства* (Ганс Блюменберг), роли религии и религиозного начала или особым формам развития, таким, как история образования в Германии (Георг Боленбек). Так почему бы - думалось мне в начале работы – не попытаться осмыслить «долгосрочные процессы развития» с другой стороны, исходя из феномена маргинального, который из-за своей кажущейся незначительности не мог бы закрепиться в исторической памяти сам по себе. Цыгане, переселявшиеся различными миграционными путями и заселившие фактически все страны континента, включая Британские острова, как раз и представляют такой маргинальный общеевропейский феномен. Несмотря на национальные, региональные и языковые различия, процесс их восприятия, идентификации, притяжения и отторжения был повсюду удивительно сходным, и его анализ способствует пониманию оборотной стороны европейского развития на пути к модерну.

Вступив на сцену истории в переходный период от Средневековья к Новому времени, цыгане оказались втянутыми в процесс исторических перемен, которых они пытались избежать: обломки прошлого, выброшенные после кораблекрушения на берег современности. Очень скоро они стали воплощением – как правило, негативным – преодоленного состояния, оставшегося в прошлом, той манеры социального поведения, которая заставляет современников краснеть или вызывает ярость. На пороге Нового времени европейское общество искало формы восприятия, которые позволили бы ему локализовать чуждое начало, возникнувшее столь внезапно, отвести ему особое место в социальном порядке. Этот процесс был изначально связан с повышенной эмоциональностью и сопровождался отторжением, обороной и преследованием.

Что касается мыслей и чувств самих цыган, то здесь мы погружаемся в беспросветный туман, который, видимо, никогда не рассеется, поскольку для этого не достает достоверных свидетельств. Свидетельства, которыми мы располагаем, фиксируют, преимущественно, ментальный и социальный опыт оседлого, сословно организованного населения, воспринимавшего цыган как явление чуждое и угрожающее своему образу жизни. Этот опыт приводит нас в сферу невнимательности, неточного наблюдения и небрежного описания, содержащего не свидетельства о цыганах, а их порожденный чужим сознанием, изобретенный образ. Образ «цыгана» отличается противоречивостью, размытостью и допускает произвольные толкования.

Тем отчетливее формулируются оценочные суждения и стереотипы, призванные скрыть этот недостаток.

Когда просветительская антропология около 1800 года обнаружила, что «цыгане» - это народ, ведущий свое происхождение из Индии, со своим собственным, родственным санскриту языком, возникли две противоположные тенденции, которые вновь пересеклись затем в этнографии середины XIX века. С одной стороны, ученые, писатели и представители власти использовали все средства для того, чтобы принизить этот возвысившейся до статуса индоевропейцев народ до уровня народа-парии, паразитического и неспособного к цивилизационному развитию. С другой стороны, воображение романтиков создало целый ряд живописных или таинственно-пугающих образов цыган, и, благодаря формированию особого жанра романтических произведений – цыганской романтики – цыганам было обеспечено постоянное медийное присутствие. Признаки их особого образа жизни, их самобытность и естественность, независимость и свобода, были тем самым стилизованы в качестве многогранной конструкции, противопоставленной буржуазному индустриальному обществу.

Новая фаза началась в конце XIX века, когда в рамках гуманитарных исследований собранные учеными и ставшие достоянием широкой общественности этнографические знания о различных европейских группах цыган были в интересах государства обесценены на основе расовых и патологических теорий, и под влиянием государственных интересов, опиравшихся на естественно-научный авторитет, фольклорные кочевники превратились в массовом сознании в асоциальных, преступных тунеядцев. «Большой рассказ» о народе естественных людей, нарушающих законы цивилизованного мира, во все времена, начиная с появления цыган в Европе и вплоть до уничтожения их национал-социалистами, создавался без из собственного участия.

Изобретение «цыгана» изначально представляет собой оборотную сторону истории самоопределения европейского культурного субъекта как носителя идеи всемирно-цивилизационного прогресса. Одновременно это означало и радикальное очищение собственного образа от всего, что могло бы ему грозить. Отношение к «цыганам» допускает сравнение со страхом перед слабоумием, когда человек находится в состоянии, представляющемся как отсутствие всего человеческого, как возвращение в животный мир, потеря языка, письменности и памяти, а тем самым и истории – как утрата культуры, составляющей важную часть идентичности. Именно так выглядит образ «цыгана», порожденный европейской культурой: лишенный письменности, истории, культуры, он предстает как часть животного мира.

Предметом этой книги является «другая история», которая движется вперед, но не прогрессирует, история перемен, которыми Европа вряд ли может гордиться, об упущенных и потерянных шансах. Говоря словами Зигмунта Баумана, речь идет о «непрерывности альтернативного, деструктивного потенциала цивилизационного процесса», о том, что я

называю «злой памятью культуры». В моей истории будут переплетаться три уровня анализа: генеалогия знаний о «цыганах» во всех своих проявлениях – от слухов до академической науки, от эмпирических наблюдений до химерических утверждений и лжи; археология форм и образцов, в которых это знание было представлено и закреплено традицией, прежде всего, литературного дискурса; наконец, история культуры, показывающая, что из этих знаний и форм и каким образом вошло в историческую память Европы, каково было их влияние, какие действия и события они породили или, наоборот, предотвратили, ускорили или замедлили.

Еще одно замечание касается наименований, которые были выбраны автором. Когда мы в этой книге приближаемся к реальности людей, живших в прошлом или живущих в настоящем, то говорим о цыганских группах или народностях. Это самое широкое понятие. В большинстве европейских стран укоренилось понятие *ромá* – *ромал* для мужчины/мужа – как общее понятие. Сюда же входит и небольшая группа немецких синти. В XIX веке понятие *ромá* относилось в первую очередь к племенам, живущим в Восточной Европе. Большие группы испанских цыган называли себя *калэ*, французских – *мануш*, русских – *кальдераш*. Эти и иные определения используются в книге, когда они необходимы для более точного обозначения социального или этнического положения. Навязанное извне наименование «цыгане», этимологическое значение которого до сих пор недостаточно прояснено, также как и его эквиваленты в других европейских языках, такие как «джипси» и «таттаре» (бродяги), само является важным элементом того, что здесь будет исследовано как история очарования и презрения. Синти или *ромá* рождаются, так сказать, естественным путем, «цыгане» – это общественный конструкт, в основе которого лежит некое знание, образы, мотивы, поведенческие модели и легенды, благодаря которым им приписываются определенные характеристики. Их основной набор, диктующий определенную модель восприятия и осмысления, необыкновенно живуч и передается из поколения в поколение, и все же благодаря «переработке» в соответствии с правилами, о которых будет сказано в этой книге, постоянно изменяется.

Поскольку речь идет о различных вариантах наименования и медиальной репрезентации, об изобретении этнической группы в переносном значении, а не о думающих, чувствующих и действующих субъектах, допустимо применять название «цыгане». Существует колоссальное несоответствие между непрерывной репрезентацией «изобретенных» цыган в различных дискурсах, прежде всего в искусстве и литературе, и почти полным отсутствием исторических свидетельств о самих себе со стороны цыганских народностей, продолжительное время ведущих кочевой образ жизни, не обладавших письменностью и политически незаметных. Для этого также необходимо найти объяснение. Наше внимание сосредоточено на истории создания образа чужака, но это не исключает того факта, что в архивных документах, научных трудах и произведениях литературы и

искусства содержатся и некоторые достоверные данные о культуре, образе жизни, истории и языке европейских цыган, каковы они были в реальности.

Особое внимание уделяется в книге некоторым литературным текстам, поскольку их текстуальный литературоведческий анализ дает возможность добиться результатов, которых невозможно достичь с помощью историографических или социологических методов. Литературные произведения являются индикатором того, что исторические события «оставили свой след, что они существуют до сих пор и своим существованием продолжают явно или тайно влиять на ход истории»². В отличие от исторических источников, литературные тексты столь многозначны и уникальны, что требуют особого подхода. Они могут воспроизводить устоявшиеся образы и клише, но могут также и разоблачать их, могут продолжать традицию, но и выпадать из нее, утверждать банальные истины или их остранивать. Стремясь показать не только особенное и отклоняющееся от нормы, но также и общепринятое, повторяющееся, мы привлекаем наряду с текстами, заслуживающими детального анализа, множество других, в настоящее время забытых, оставляя их, однако, на заднем плане, чтобы не утяжелять книгу. По этой же причине исследование отдельных текстов чередуются с обзорами общего плана.

Не исключено, что этот рассказ о разрушительной агрессии и воле к господству и уничтожению оставит у читателя впечатление растерянности и недоумения. Возможно, он вызовет жалость и сочувствие к жертвам истории. Однако не следует забывать, что эта книга в первую очередь посвящена «создателям» конструкта под названием «цыгане». История же цыганских народов как таковых по уже объясненным причинам будет показана лишь эскизно. Речь пойдет об ученых и писателях, о «культуртрегерах», чьи знания и мысли породили прежде всего вражду и неприятие, но также и восхищение цыганами, их романтизированный образ. Можно трезво, поверх эмоционального возмущения говорить об ответственности этих интеллектуалов за сложившуюся ситуацию. Не в последнюю очередь необходимо было показать, каковы альтернативные возможности, которые могли бы утвердиться в тот или иной момент истории. Бессмысленно было бы и приравнивать историю страданий к необратимой судьбе, как это делают некоторые исследователи цыганских народов.

Тот, кто пишет книгу, подобную этой, постоянно сталкивается с вопросом о том, какие уроки можно извлечь из описанных событий и их последствий. Едва отряхнув с себя архивную пыль, автор оказывается перед искушением предстать в роли предостерегающего пророка с поднятым перстом. Возможно, кто-то и правда может вовремя распознать признаки угрозы, точно установить связи между прошлым и будущим и сравнить положение вещей. Однако решение конфликтов и проблем невозможно перепоручить экспертам, которые своим знанием могли бы указать на

---

² Arendt H., 1959. S.199.

драматизм актуальных кризисных ситуаций и способствовать их разрешению. Эта книга позволяет заглянуть в зеркало, хотя речь идет о таком визави европейских народов, который представляет собой их вымысел. Мы больше узнаем о себе, нашем образе мыслей, чувств, манере поведения, об отчуждении, притии и цивилизационном высокомерии, нежели о самих цыганских народах.

При чтении представленных здесь текстов чувствуется, как каждое описание и каждая оценка того чужого, которое называется «цыгане», порождает асимметрию, как раздувается субъект речи, как растет его Я, как он начинает предаваться мечтам о всемирном господстве и, в конце концов, верит, представляя собой довольно жалкую фигуру, что именно он является достойным воплощением европейской культуры. Сегодня, перед лицом очередной волны ненависти к цыганам в Европе, история презрения к ним возрождается как призрак прошлого, чье явление, подобно антисемитизму и национализму, наводит на нас ужас, как тот призрак, о котором говорится в драме Ибсена: «Мы не можем избавиться от него». Если понимать под избавлением вытеснение, то с Ибсеном можно согласиться. Необходимо, однако, оспорить представление о необратимости конфликтов, проблем и исторических катастроф. Призраков вроде презрения к цыганам вполне можно изгнать, если вывести их на свет – из тьмы ненависти и неприятия по отношению ко всему чужому, всему, что представляется «не своим». Благодаря объединению Европы возникла редчайшая ситуация, когда стало возможным, наряду с социальной и этнической дискриминацией в настоящем, справиться одновременно и с призрачным прошлым, с тем недавним прошлым, о котором люди, пережившие преследования и уничтожения, больше не молчат, и с тем далеким прошлым, о котором рассказывает эта книга.

Свобода в действии: «Цыганы» Александра Пушкина

Земфира, бессарабская цыганка из поэмы А.С. Пушкина «Цыганы» (1827), не несет на себе бремя судьбы своего народа, как Изабелла, и не борется за жизнь своего табора, как Мег Меррилис. Лейтмотив поэмы – свобода в самом широком смысле слова, (поскольку слово «воля» означает свободу и как онтологическое состояние, и как свободу воли, и как произвол в поступках) находит свое воплощение в рассказе о Земфире, по жанру напоминающем балладу. В эпоху Реставрации и на фоне патриархальных отношений в обществе воплощение свободы в лице женщины придает этой политически провокационной теме дополнительную эффектность. Алеко, русский юноша, преследуемый законом, ищет спасения у цыган и переживает свое пребывание у них как урок неведомой ему свободы.

С Земфирой в литературе и искусстве появляется новый тип цыганки. Создавая яркие образы чуждого и желанного мира, Пушкин «перемещает»

цыган с дальней окраины Империи – Россия только в 1812 г. по Бухарестскому договору присоединила Молдавию - в самый центр русский литературы:

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют.
Как вольность, весел их ночлег
И мирный сон под небесами;
Между колесами телег,
Полузавешанных коврами,

Горит огонь; семья кругом
Готовит ужин; в чистом поле
Пасутся кони; за шатром
Ручной медведь лежит на воле.
Всё живо посреди степей:
....

И звон походной наковальни.

Изображение молдавских цыган как символа свободы не может не вызывать удивление, поскольку Пушкин, высланный из Санкт-Петербурга на юг, хорошо знал, что в большинстве своем они были рабами помещиков или их долей был подневольный труд при монастырях. В поэме же они живут как кочевники, бродят по степям и зарабатывают на жизнь тем, что куют железо, поют и пляшут на ярмарках и обходят села, показывая медведей.

Земфира, дочь старейшины, приводит в лагерь чужака Алеко: «Он хочет быть как мы цыганом; / Его преследует закон,/ Но я ему подругой буду».

В отличие от Арнима или Скотта, цыгане лишены у Пушкина ореола таинственности и не выступают в двойственном освещении. Как и в гетевском «Геце», который наверняка был известен Пушкину, они предоставляют убежище преследуемому законом. Они открыты, не устраивают обряда инициации, не требуют ни смены имени, ни обязательного подчинения своим законам, и принимают чужака с удивительным спокойствием и радушием: «Я готов/ С тобой делить и хлеб и кров./ Будь наш — привыкни к нашей доле, Бродящей бедности и воле».

Радушный прием делает возможным и совместную жизнь Алеко с Земфирой; их союз не нуждается ни в каких церемониях. Девушка сама принимает решение: «Он будет мой: /Кто ж от меня его отгонит?»

Эти слова приводят к серьезному «культурному недоразумению», поскольку Алеко не понимает различия между своими «цивилизованными»

представлениями о браке как обладании женщиной и цыганскими нравами. Поначалу он узнает кочевую жизнь как постоянное движение и череду перемен, не подчиненных никаким правилам, и эту жизнь он противопоставляет «неволе городов», порабоощающей цивилизации:

Когда б ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душных городов!
Там люди в кучах за оградой,
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.

И все же он не в состоянии сразу забыть о своей прошлой жизни. Его мучают «тихая скорбь» и меланхолия, от которых он лишь постепенно излечивается на лоне природы. Земфира воспринимает его печаль как раскаяние в том, что он покинул «города». В ответе Алеко звучит резкая критика цивилизации, ее измены природе, ее суетности, предательству и подлости: «Что бросил я? Измен волненье, / Предрассуждений приговор, / Толпы безумное гоненье / Или блистательный позор»

Отец Земфиры возражает, что не всякий, кто нашел у них прибежище, мог оценить их свободу. Этому учит древнее цыганское предание:

Меж нами есть одно преденье:
Царем когда-то сослан был
Полудня житель к нам в изгнанье.
(Я прежде знал, но позабыл его мудреное прозвание)
Он был уже летами стар,
Но млад и жив душой нещлобной –
Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный –
И полюбили все его,
И жил он на берегах Дуная,
Не обижая никого,
Людей рассказами пленяя...

...

Но он к заботам жизни бедной

Привыкнуть никогда не мог;

Скитался он иссохший, бледный...

И завещал он, умирая,

Чтобы на юг перенесли

Его тоскующие кости,

И смертью чуждой сей земли

Не успокоенные гости!

Изгнанный на Дунай старик, чьего имени не разгадывает, несмотря на свою образованность, и Алеко, это – римский поэт Овидий (43 до н.э. – 17 или 18 г. н.э.). Пушкин не вполне скромно использует место действия, чтобы указать на несправедливость собственной ссылки. Однако на переднем плане все же остается образ любящего отчизну древнего поэта - изгнанника, для которого кочевники, его оберегающие и о нем заботящиеся, прославляющие его как «святого старика», остается навсегда чуждой. Цыганское предание раскрывает еще больше. Не имея ни собственной письменности, ни собственной истории и литературы, цыгане-кочевники из сочувствия к преследуемому и изгнанному поэту сохраняют на протяжении тысячи восьмисот лет в своей устной сказовой и песенной традиции воспоминание о нем, хотя исторический смысл и значение его произведений им неизвестны.

Пушкин конструирует живую, не научно-академическую европейскую традицию. В ней цыганской культуре отведена функция моста, перекинутого через века. Не через «Запад», как у русской культурной элиты со времен Петра Великого (1672-1725), а через «Юг» восстанавливается связь русской народной культуры с античностью. Поэтому нигде не говорится об индийском или египетском происхождении цыган. Предание о старом несчастном поэте не позволяет видеть в них дикарей или варваров. От окружающего общества их отличает вольная жизнь, черты которой воссозданы и облагорожены поэтической фантазией Пушкина. Цыганский фольклор включен у него в европейскую традицию, связан с ее античными корнями.

Но для Алеко «инаковость» цыган становится злым роком, хотя за два года жизни с Земфирой и их ребенком он почувствовал себя «вольным» и вместе с ними «ведет кочующие дни». Насмешливая песенка Земфиры о молодой женщине, обманывающей старого мужа с молодым любовником, нарушает его невозмутимость и покой, поскольку очевидно предназначается

для него самого. Речь идет о *chanson de malmeriée*³, «типе традиционной песни, который можно обнаружить почти в любой народной поэзии».⁴ «Старый муж, грозный муж, / Режь меня, жги меня: / Я тверда; не боюсь / Ни ножа, ни огня».

Старик пытается объяснить Алеко поведение цыган на примере истории своей несчастной любви к матери Земфиры, которая ушла, оставив ему ребенка. Земфира говорит о том же краткой формулой: «Сердце воли просит». Алеко воспринимает Земфиру как свою собственность, для нее же лучше смерть, чем любовь через силу, и однажды ночью он закалывает ее и ее молодого любовника. Старик прогоняет его из общины, поскольку он хочет свободы только для себя и не признает ее за другими:

Мы дики; нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казним
Не нужно крови нам и стонов
Но жить с убийцей не хотим
Ты не рожден для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасен нам твой будет глас:
Мы робки и добры душою
Ты зол и смел – оставь же нас
Прости, да будет мир с тобою

В эпилоге лирический герой посещает те места, где произошла история Алеко и Земфиры и встречается у цыган тот же дружественный и открытый прием, что и его герой. Последнее слово остается за поэтом, который скептически говорит об относительности идеала свободы: «И ваши сени кочевые / В пустынях не спаслись от бед, / И всюду страсти роковые, / и от судеб защиты нет».

Лишь антропологический аргумент, указывающий на всеобщую подверженность аффектам, позволяет поставить знак равенства между цыганами и другими людьми. Однако он не упраздняет различия между общественными порядками, обществом свободных, равноправных индивидуумов и иерархической государственной структурой. «Цыганы» Пушкина, одна из самых известных его поэм, оказали решающее влияние на цыганскую новеллу Проспера Мериме «Кармен». Но, если у Пушкина Земфира, следующая лишь голосу своего чувства, живет в мире, где такое поведение общепризнанно и не подлежит наказанию, то образ Кармен сведен к мотиву губительной «безумной страсти».

---

³ Mölk, 1997: 133

⁴ Там же.

Поэма Пушкина рассказывает о свободе во времена политического угнетения и борьбы империй за власть. Той или иной территорией можно овладеть насильно и подчинить ее своей власти, но племенем свободлюбивых и бескорыстных цыган, «робких и добрых душою» управлять невозможно, как невозможно поставить под контроль страсть женщины, которая превыше всего ценит свободу. Убийство Земфиры означает двойную утрату – любви и свободы. Пушкинский образ цыганского табора – это социальная утопия, нашедшая себе место на окраинах Европы; цыгане, созданные воображением Пушкина, предстают как носители культурной памяти и не имеют ничего общего с тем темным и опасным преступным миром, в связи с которым их подозревали в Западной Европе.